Н.Ф.Донченко

ГРИГОРИЙ ЦАМБЛАК И АНТИЛАТИНСКАЯ ПОЛЕМИКА XIV–XV ВВ.

Главный тезис нашего исследования следующий: митрополит киевский болгарин Григорий Цамблак, выдающийся славянский писатель, использовал жанровые возможности панегирика для предъявления на Констанском соборе в 1418 г. православной концепции единства Церкви и преодоления раскола между Православием и Католичеством. Он взял на себя смелость наполнить каноническую форму похвального слова новым содержанием. Объектом похвалы стали реальные церковные деятели, иерархия Римско-католической церкви. На первый взгляд, это давало основания зачислить Григория Цамблака в число отступников, церковных карьеристов и т.п., что мы и видим в некоторых работах о его творчестве. При этом попытки оправдать его в ряде исследований ничуть не лучше обвинений. Они опираются либо на замалчивание очевидных фактов, либо на поиск благовидных политических и психологических мотивировок. Единственный путь, чтобы понять объективно место Григория Цамблака в истории Церкви и истории литературы,— это герменевтическое прочтение его текста, чему и посвящено настоящее исследование. Его стратегия такова: от текста к контексту — историческому, культурному, биографическому, догматическому, от анализа явления литературы к концептуальным обобщениям. Текст Слова публикуется полностью, но разделенный на фрагменты, каждый из которых сопровождается соответствующим комментарием.

> **Григорїа архиеп҇па кıевъско҇г и всеѧ роуси. сло҇во похвалноє. иже оу фролентїи. и оу костентїи. собороу галато҇ итало҇ и римлѧно҇. и всѣ галато҇. бл҇ви**
>
> **Како ва҇ вісприимемъ, ѡ дроуѕи вл҇кы. и ѡц҇и и братиѧ, что ва҇ наречемъ. комꙋ оуподобимъ ва҇. како ва҇. похвали҇, иже толикоє и таковоє добро смиренїѧ вашимъ собранїє҇. цр҇кви исходатаивши. како насладимся вашеѧ добродѣтели. кыими словесы достоино оублажи҇ васъ.**

Слово начинается с каскада риторических вопросов. Их последовательность неслучайна, неорнаментальна. Это продуманный ход, за которым стоит поиск средств для наиболее адекватного выражения определенной идеи. **“Како вас въсприимем”** и **“что вас наречем”** — в этих вопросах еще нет заявки на похвалу, но лишь побуждение к размышлению, может быть сомнение и колебание перед

тем, что предстоит высказать. **"Кому вас уподобим"** — здесь ключ к поиску решения. Понять — "воспринять" и "назвать" какое-то явление можно через его уподобление чему-то уже известному. Следующая триада вопросов выводит мысль на новый виток. Оценка "собора отцов" перемещается в панегирическую плоскость. Этому соответствуют вопросы **"како вас похвалим", "како насладимся"** и **"кыими словесы достойно ублажим вас"**. Анализ и восхваление в тексте Слова будут и в дальнейшем неразрывно связаны между собой. Но не апологетически, как в обычном панегирике, а рефлективно-экзегетически. В похвальном слове есть объект, признанный совершенным в своей святости. Метод уподобления раскрывает особенности этого объекта. Не столько доказывает, сколько раскрывает и показывает, делает очевидным и доступным для поклонения и подражания. Уподобление прообразам — евангельским, святоотеческим, библейским, агиографическим — не только раскрывает суть святости, но подвигает слушателя и читателя к подражанию. Устанавливается единство идеального и реального миров. Это и есть одно из главных измерений единства церкви. Быть может имея в виду этот аспект похвального слова, Григорий и выступил с похвальным словом в защиту единства исторической церкви. В полемическом панегирике возведение земных явлений к небесным, высшим образцам имеет целью понять природу земных, исторических проявлений жизни церкви, а также направить их в определенное русло, то есть повлиять на сам предмет восхваления через его уподобление высоким образцам.

Первое, что восхваляет Григорий Цамблак,— "добро смирения". Сразу же называется причина похвалы: за что восхваляются отцы собора — за то, что они "исходатайствовали" церкви добродетель смирения через взаимное согласие враждующих сторон, через победу принципа соборности над принципом единовластия. Отсюда легко выводится обратное: причина церковного раскола — в гордыне, в борьбе за единоличную власть.

Ситуация раскола и его преодоление в Западной церкви проецируется на ситуацию раскола между Западной и Восточной церквами. Ведь Цамблак явился на Собор с миссией восстановления единства между ними. Свои аргументы он берет не только из таких традиционных источников любой аргументации, как Священное писание и церковное Предание, но и из опыта самой Западной церкви. Кроме того он с первых же строк вводит в текст Слова аскетическую систему ценностей. Это естественно для жития святого или панегирика, но в переносе на церковно-историческое явление, каковым предстоит Собор церкви, аскетическая шкала выглядит как маркированная, как знак авторской позиции. Да, речь идет о людях, к которым применим аскетический критерий оценки, но люди не рассматривают здесь как личности, а как совокупность, как сообщество — в тексте

"собрание". Их деяния рассматриваются как пастырские. Если вспомнить типологию житий, то объект восхваления у Григория сопоставим со святительским типом жития и похвального слова.

Эти же начальные слова о смирении являются для Григория оправданием его присутствия на соборе. Он как бы говорит, что пришел со своей миссией соединения церквей на собор смирившейся и мирной церкви, очистившейся от гордыни и самовозношения.

Таким образом, уже с первых слов речь Цамблака обнаруживает связи с историческим, биографическим, аскетическим, агиографическим и полемическим контекстами. Далее смыслы речи выстраиваются по всем этим линиям, но доминирующей и объединяющей линией остается полемическая.

> **иже бо ѡ васъ хотѧщемоу слово творити. достоить быти и дѣлы и словесы ꙗкоже и вы, ꙗко да подобное по съсоуженїю похвалитсѧ праведно.**

Следующий оборот содержит в себе традиционную для средневековья формулу авторского самоуничижения. Однако в контексте выше сказанного он обретает дополнительный историко-биографический и полемический смысл. Смирение требуется и от другой стороны экуменического диалога — восточно-христианской. О себе и своей позиции он говорит в модусе долженствования "достоит быти". Тем самым дезавуируется истинное назначение похвалы. Нигде в тексте нет столь прямого указание на ее "внутреннюю форму": "**по съсужению похвалится праведно**". Похвала здесь сближается с праведным судом Божиим. Бог праведно рассудит обе стороны по степени их смирения, смиренной готовности к единению. Автор, традиционно рассматривая себя как проводника Божьей воли, с одних и тех же позиций судит себя и "восхваляет" (судит) западных отцов. Форма панегирика дает ему возможность самоумаляться, сохранить аскетическую дистанцию и выдвинуть на первый план надмирную евангельскую шкалу ценностей. С другой стороны, нюансировка зачина похвалы позволяет автору сразу же придать хвалебственным утверждениям оттенок размышления и анализа.

> **но х҃с ва҃, дроузи и вл҃кы, со преоумноженїе҃ предваривъ похвали. рекъ ко оу҃ченико вы есте свѣтъ мироу**[1]).

Следующий оборот начинается с "но", которое означает перенос мысли в плоскость вечных евангельских архетипов. Потому что похвала только и возможна в соотнесении земных человеческих деяний с божественными, евангельскими образцами. Первый же образец для отцов собора — ученики Христа, которых Он назвал "светом миру". Посмотрим внимательно, как включается евангельская цитата в текст похвалы. Христос "со приумножением предварив" похвалил (читай — судил) сих отцов. Что это значит? Назвав своих учеников и последователей "светом миру", Господь открыл для них воз-

можность быть таковыми, а значит и сии отцы, к которым обращена речь Григория, должны переносить на себя слова Христа, как сказанные с **преумножением** их реальных достоинств и **предваряя** достижение ими совершенства в этих качествах. Здесь мы видим связь с предыдущей похвалой (судом) смирению отцов. Смирение как раз и заключается в том, чтобы применять к себе евангельские аналогии как сильно преумножающие любые реальные человеческие достоинства. После постановки такого смыслового акцента автор не мог не осознавать себя смиренным учеником, следующим евангельским образцам. Он тоже считает себя в праве "со преумножением" и "предваряя" восхвалять-судить достоинства отцов собора. Восхвалять по долженствованию.

> подобноже и оублажи васъ, братиѧ собѣ сотворивъ вонегда рещи блжни миротворци ꙗко ти (л. 364 об.) и снове бжїи нарекоутсѧ[2])

Здесь мы видим переход от общей постановки вопроса к наполнению похвалы-суда конкретно-историческим содержанием. Первое слово данного оборота — "подобно же" означает тоже "со преумножением предварив". Только теперь речь об "ублажении" отцов словами Евангелия. Мотив суда вновь выходит на первый план, так как Господь судит по заповедям, в том числе по заповедям блаженства, которые здесь и цитируются. Отцы рассматриваются здесь как реальные миротворцы — их усилиями наступил мир и согласие в Римской католической церкви — и как миротворцы потенциальные в деле единения западной и восточной церквей. Сюда и следует отнести идею предварительности похвалы. Вторая ее часть, называющая миротворцев "сынами Божиими", также весьма значима для автора и наполнена полемическим содержанием. Она выделяется методом удваивания — ибо отцы называются здесь еще и "братьями" Спасителю. Это одна из центральных идей аскетической антропологии — "усыновления" христиан Богу по благодати. В этом усматривается цель и смысл спасения: "Бог вочеловечился, чтобы человек обожился". "Обоженный" человек становится братом Христу, Сыну Божию. Таким образом, вместе с "ублажением" отцов как миротворцев митр. Григорий на первое место ставит и одну из главнейших идей современной православной догматики — идею "теосиса", которая связана с исихастским богословием Троицы и идеей нетварности Благодати. Заметим также, что евангельские "блаженства" *обращены в эсхатологическую перспективу*. "Сынове Божии нарекутся" — на Суде, в Царствии Божием. Однако выражение "братия себе сотворив" имеет временное значение завершенного прошедшего. В православной аскетике это внешнее противоречие получало вероучительное разрешение, ибо Спаситель соединил в своем вочеловечении вечность и время. "Обожение" как путь спасения начинается в земном и временном бытии человека, хотя "божественное"

по своей природе принадлежит не времени, а вечности. Контаминация глагольных времен — одна из характерных особенностей поэтики средневековой церковной письменности.

> аще г҃лѧ въ есте въ истин'ноу непрелестни и наставници еванг҃льскаго поути. вы есте блаꙁии раби доб҃їи и вѣрнїи, иже талантъ оумножившеи, и множащеи, и о малѣ вѣрнїи ѧвльшенсѧ, и чаѧще над многыми поставитисѧ, и по м҃ле ѿ троудовъ покои приемши, в радѡ г҃а своего входити.

Начало данного оборота подтверждает и усиливает условный характер произносимых похвал. "Аще глаголя вы есте во истинну непрелестни". Автор здесь не цитирует, но резюмирует Евангелие, хотя использует форму цитирования, на которую указывает слово "глаголя". Он подчеркивает условие, при котором ученики Христа уподобляются добрым и верным рабам, умножившим талант. Это условие — их неподверженность прелести и их следование евангельским путем. Таким способом поданный евангельский текст слишком явно привязан к объекту похвалы-суда и воспринимается как прямое выражение сомнения и условия, при котором и сами отцы собора могут быть уподоблены добрым рабам. Здесь тонко расставлены акценты, как и в предыдущих оборотах. Держа перед собой Евангелие, панегирист возводит отцов к высоким образцам, осторожно вводя условные обороты и тем самым переводя свою речь в план долженствования. Как связана притча о талантах с темой Собора? Талант, сокровище, полученное западными отцами от Спасителя — возможность умирения и объединения Церкви. В этом деле они проявили себя "верными" Хозяину. "Умножившие и множащие" — появление двух форм причастия, удвоение лексемы акцентирует внимание читателя и слушателя и намекает на какой-то актуальный смысл. В данном случае речь идет о том, что умножение таланта уже произошло на почве западной церкви, но актуальное умножение сокровища связано с объединением церквей. Отсюда "чаяще над многыми поставитися" — то есть возглавить не только западные, но и восточные христианские народы. Однако Григорий напоминает отцам о конечной цели этой тяжкой работы "принять покой от трудов" и "войти в радость Господа". Нет ли здесь и напоминания о смирении и об опасности властолюбия.

И все-таки третий панегирический период еще достаточно абстрактен и далек от исторического контекста. Намек, заложенный в нем, становится более определенным в следующем фрагменте.

> вы есте искоуснии коръмчїе, иже корабль церковный и ко смиренїѧ пристанищю тихомоу. и всѧческы вѣтръ пременномоу, наставлѧюще

Да, речь идет именно об управлении корабля церковного и его спасении от бурь и ветров. Второй раз мы видим слово "смирение" применительно к церкви. Автор подчеркивает неслучайность этого

слова. Его позиция в рассмотрении церкорвно-политических проблем, неотделима от аскетики. Подразумевается, что именно несмиренное, гордое и тщеславное состояние церковной иерархии было причиной разделений.

> и. вы єсте соль мироу[з] словеснаꙗ всѧ ц҃рковнаго оустроенїѧ, слаж҃ающеи. и не оставлѧюще в согнитїє. и расшествїє еретическы[х] оумышленїи раслаблѧтисѧ, състѧжюще и оутверж҃ающе теплого дѣиствомъ, стоуденѣишеє

Здесь опять мы видим евангельский образ, который проецируется на историческую реальность. Называется еще одна причина разделений — ереси. На Констанском соборе были осуждены Ян Гус и Уиклиф как основоположники двух крупных еретических движений в Чехии и Англии. Хотя в тот момент на Востоке борьба с ересями не была столь актуальна, еще живы были воспоминания о богомильском движении и паламитских спорах, которые по своей сути были противостоянием гуманистическим и рационалистическим тенденциям, идущим с Запада. Да и само латинство осмыслялось большинством православных мыслителей как ересь. Поэтому митр. Григорий разворачивает метафору "соли" в систему образов, подтверждающих необходимость отстаивать чистоту христианского вероучения от слишком вольных и еретических толкований. Церковь предстает как живая ткань, которая начинает гнить и распадаться при отсутствии естественной соли или же замерзать при отсутствии тепла. Церковь воспринимается Григорием антропоморфно — как человеческое устроение и поэтому-то подчиненное тем же законам духовного роста, что и каждая личность. Метафора "живой ткани" раскрывает и развивает предыдущий образ "тихого пристанища" и служит переходом к следующему риторическому узлу, где образ церкви как организма получает дальнейшее развитие.

> вы єсте врачеве прем҃ренишїи, и хоудожнѣишїи, ц҃рковное т҃ѣло невкоусно хранѧще и всѧческаго недоуга ꙁломоудренїи, и на всегдашнее ꙁдравїє возводѧще и равьностїю и съгласїємъ четыре[х] єваггелїи ꙗкоже четырми мира сего составы.

Если Церковь — это тело, организм, то церковная иерархия — это "врачи премудрейшии и художнейшие", хранящие вверенное им тело в здравии "невкусно", то есть неущербно. Метафора "здоровья" развивается дальше. Автор говорит о том, какими средствами оно поддерживается. "Равностью и согласием четырех Евангелий" подобно четырем стихиям мира. Гармония и равновесие в природе — тоже образ идеальной земной церкви. Выдвигается главный критерий истинности в спорах о церковном единстве,— это соответствие вероучения всем Евангелиям. Напротив, их однобокое истолкование, вырывание из контекста отдельных идей и забвение других — ведет к ересям, "болезни" и распаду.

вы єсте ѕвѣз҇ды цр҇квныѧ м҇ногонбн҇сых ѕвѣз҇дъ. свѣтлѣйших и дѣйственѣиши, не плавающїѧ по водах кораблѧ наставлѧющи къ гра҇домъ и мѣстомъ, или поутники такожде, но д҇ша правѧще къ н҇сби. во вышнїи ієрл҇смъ во ѿчьство наше древнєє.

Следующее уподобление западных иерархов звездам, путеводящим души к Вышнему Иерусалиму, развивает мысль о пастырском служении, о его высшей цели. Поддерживать здоровье в церковном теле необходимо для того, чтобы вести души ко спасению, к вечности. В этом фрагменте мы находим перекличку с идеей богосыновства, прозвучавшей в самом начале Слова. То, что является высшим критерием для оценки личности пастырей, является и критерием пастырского служения. А именно, уподобляться самим Сыну Божьему и вести к богоподобию других.

(л. 365) и҇ныжє паче сл҇нца вы єсте ѕарѧ просвѣтительноє дѣиство имоуще. мокроты невѣриѧ ї҇с'соушающеи. ибо с҇паса б҇гословци сл҇нце именоваша.

Вести души в Царствие Божие — это и значит вести их к богоподобию. Эта идея подтверждается в выше приведенном сравнении отцов с зарею. “Ибо Спаса богословы называли Солнцем”,— пишет Григорий. Заря — это подобие Солнца и его преображающее действие. Подобно Солнцу Заря освещает мир и иссушает влагу. По природе своей — это и есть действие самого солнца. Так же и отцы церкви, участвуя своей пастырской — святительской работой в преображении человека в новую богоподобную тварь, действуют благодатной божественной энергией, а не только своими человеческими силами.

вы єсте добрїи строителїє ихже прише҇д г҇т ѡбрѧщет бдѧщих, вы єсте добрїи пастырїє полагающе д҇ша ѕа ѡвца. и ꙗко же во иных, тако и ѕдѣ подобѧщесѧ первопастырю х҇оу.

Завершается чреда уподоблений двумя краткими евангельскими образами: добрые строители и добрые пастыри. Здесь для автора главное — полнота евангельская. Мысль о пастырстве доведена до логического конца. Пастыри уподобляются первопастырю Христу. Это итог. Поэтому автор подчеркивает — “как в других случаях, так и здесь”. Все, что сказано о Церкви и ее пастырях в основе покоится на христоподобии. Эта идея была одинаково близка как восточному, так и западному богословию.

Далее происходит смена риторической фигуры. Уподобления сменяются ублажениями, которые относятся уже не к пастырям, а к их пастве.

бл҇жны цр҇квы стѧжавшаѧ ва҇с, бл҇жныѧ овца х҇в҇сы ѧже вы пасєтє, бл҇жни агнци ихже вы окоръмлѧєтє, вѣмъ ꙗдоброѕрастна и многоро҇дна боудоут стада ваша. многомлечнаѧ и многоволна и бл҇гоздравъствена понеже на ѕлачных паствахъ, и исходищих

чисты҃х водь, прр҇ческых, и ап҃льскыхъ книгах сїа наставлаєте и пасете.

Заметим, что в макроструктуре текста повторяется микроструктура первой вводной триады восхвалений, которая содержит евангельскую модель. Сначала в цитатах звучит формула "вы есте", потом "блажени". Похвала-суд начинается с евангельской экзегезы, с углубления в евангельское слово, которое и становится моделью для дальнейших риторических построений. План строго выдерживается: сначала раскрытие атрибутов объекта похвалы, затем прославление того, что можно назвать их действиями и плодами. Все три приведенных "ублажения" имеют в виду одно и то же явление — паству, стяжавшую добрых пастырей. Метафора пастырства, как и многие метафоры и уподобления в этом слове, является топосом, но Григорий Цамблак не оставляет топосы без индивидуальных и конкретных смысловых наполнений, корреспондирующих с реальностью. В данном случае важно раскрытие причин успешной пастырской работы. "Злачные пастбища и чистые воды", взрастившие столь замечательные стада — это пророческие и апостольские книги. Григорий Цамблак в русле православной традиции ставит вопрос о важности церковного Предания. Не только Писание, но и Предание свидетельствует об истине в спорах с еретиками и раскольниками, а также и в экуменическом диалоге между западной и восточной церквами.

и что ми много гл҃ти къ велики҆и, и нб҃сныи моужемъ, бл҃жю ваше вожелнїє и наставленїє, и преведенїє и воєводьство. и люди ваша неже люди ѡного ѡнъ оубо сквозе глоубиноу сенїю и гаданием крт҃са не мокрено провел люди. непокоривыа и развращеныа люд. и с фараѡном боривса ѡ них. вы же не єдиною но всегда со самым диаволомъ боритеса ѡ людех. ихжэ х҃с вамъ оуручи, рекъ к петроу аще любишима, паси овца моа[4].

Далее опять несколько меняется форма риторических оборотов. Она становится более личной, начинаясь с глагола "блажу". Переходя к форме от первого лица, Григорий употребляет и наиболее характерную для его похвальных слов библейскую аналогию. Пастыри-отцы уподобляются Моисею, проведшему народ "сквозь Чремное море" "немокренно". Вспомним, что несколькими абзацами выше "мокрота" означала еретические заблуждения. Отцы превосходят Моисея, так как Моисей боролся с фараоном, а отцы с самим дьяволом. И народ вручен отцам самим Христом, который сказал Петру "аще любиши мя, паси овца моя". Здесь вновь в типовую похвалу внедряется полемика. Ссылка на это место в Евангельском тексте всегда использовалась православными полемистами как аргумент против папизма. В контексте Собора, на котором победила идея соборности, такая маркированная цитата могла прозвучать вполне уместно.

и не ѿ єгоупта изводѧще, и палестиньскоую землю наслѣдовати оустро (л. 365 об.) лєтє но ѿ стр҇тен изводѧщеи воздоухъ прелетати творѧще, или бж҇їю бл҇гочтивно ꙗвлѧтисѧ сподоблѧєтє,

Далее похвала строится по схеме превосхождения новозаветного образца над ветхозаветным. Григорий касается ключевых для православия понятий. Палестинская земля обетования как прообраз состояний бесстрастия — высшей ступени умного делания. Здесь предельно кратко описан путь восхождения к боговидению: освобождение от страстей, духовное восхождение к Богу. Мысль Григория движется от евангельского образа к аскетическому учению и церковному опыту духовного делания.

люди богатныѧ. ц҇рьское сщ҇єнїє ꙗзыкъ ст҇ъ не пороптателныѧ. ꙗко же ѡны, но бл҇годарныѧ, не во сп҇ѧ зрѧще, и свинаѧ мѧса поминающаѧ, но на н҇бо смотрѧющаѧ и поющаѧ. Возведох ѡчи мои во горы ѿноудоуже приидє помощь моѧ. помощь моѧ ѿ г҇а сътворившаго н҇бо и землю[5], не вопиюще и ко аароноу оубїиственным гласом законъ дающоу б҇гоу на горѣ. сътвори намъ богы (ѡг҇нїи)[6] иже прѣидоуть прѣ нами. но съ д҇вдомъ поклонѧющесѧ и хвалѧщенся. кто б҇гъ велїи зовоуще ꙗко б҇ъ нашь, ты єси б҇ъ творѧи чюдеса[7].

Здесь развивается сравнение церкви, народа Христова, ведомого отцами ко спасению, и народа израильского, направляемого Моисеем в Землю обетованную. Акцент переносится вновь с пастыря на пасомых. "Царское священство" — так называли всех христиан в соответствии с Евангелием. В православной традиции эта формула служила подтверждением тому, что каждый христианин призван к святости и к служению Богу. Народ Христов и народ израильский противопоставлены здесь как небесная вертикаль и земная горизонталь. Одни смотрят вспять и вспоминают "свиная мяса", другие смотрят в небо и поют псалмы. Одни требуют тварных богов-идолов, другие прославляют невидимого Бога, творящего чудеса. Смысл этого фрагмента становится понятным в контексте антилатинской полемики. В списках латинских "вин", один из которых приписывают Григорию, большая часть обвинений касается норм благочестия. Католики обвиняются в несоблюдении постов, скверноядении, использовании в богослужениях музыкального сопровождения, неканонической живописи и прочих отступлениях от аскетической строгости и уступках светским вкусам и нравам. Похвала народу Христову здесь, как и в начале похвала отцам, имеет характер суда над ним. Автор говорит о том, каким должен быть народ Христов и как он должен исповедовать Бога. Григорий выделяет среди атрибутов Бога и его проявлений те, которые были наиболее важны для православного богословия XIV–XV вв. Бог невидим и непостижим,

но он проявляет себя в мире как подающий помощь и творящий чудеса.

Итак, первое "блажю" касалось духовного и нравственного состояния западной церкви, как бы результатов пастырской деятельности Отцов.

> **блжю ваша ѧзыкы множае неже сщенниковъ ѡнѣх троубы ими же иерихонъскыѧ стѣны падоша тамо бо оубо стѣны разроушиша чювъственыѧ и разарѧемыѧ, вы же стѣны низложивше мысленыѧ. и самыѧ тверъдынѧ надеждa диѧволовы. ѿ среды сътворивьша соблазны.**

Второе "блажю" относится исключительно к словесной работе отцов, к их "языкам". Мы имеем перед собой яркую манифестацию православно-исихастской концепции слова. Слово трактуется как энергетический сгусток, как реальная сила, сокрушающая дьявольскую твердыню. Подспудно здесь содержится спор со схоластической и рационалистической концепцией слова.

> **блжоу ревность бжественоую вашоу, лобзаю оусердие теплое ваше, вы бо ревнителие ѧвистесѧ, по моисею, и по илїи, по крстли, и по апcотлех. что к вашей ревности, ревность Финеса оного и дѣло его к вашемоу дѣлоу. онъ бо оубо безстоудствоующаѧ прободе (л. 366) члче та мрьзскаѧ. вы же самого врага събодосте копиемъ смиренїѧ блгоугоднаго, и вѣнець возложисте црkви краснеишии.**

Мир в Западной церкви был завреван божественной ревностью ее отцов, которые пронзили врага копием смирения. Сополагаются несопоставимые полюсные состояния: ревность, которая означает активную позицию и смирение, предполагающее уход от противостояния. Смирение наделяется при этом копием, разящим диавола. Противоречие снимается в рамках православной аскетики, которая рассматривает процесс преображения личности как духовную брань. Из этого следует, что ревность отцов была направлена не на борьбу с людьми, а на духовное совершенствование. Именно на этом поприще отцы явились преемниками Моисея, Илии, Крестителя и апостолов. Они не последовали примеру Финеса, который убил "мерзкого человека". Автор уверен, что именно духовные подвиги отцов, их духовное пастырство принесли церкви "венец краснейший".

> **но ꙗкоже сие толикое и таковое вашемꙋ любомдрию достоиное дѣло, ради их во бѕ дѣиствꙋющаго дха исправисте, тако и паки потщитесѧ молѧщю ми бѕ, тѣмже оусерьдиемъ, и тѣмже дѣиством дха. съединити растоѧщаѧся. и во едино събрати по первомоу оустроенїю. и ѡчьскомоу преданїю. иже ѿ многых лѣт завѣстїю диѧволею, расцѣплен'но' тѣло црковное.**

Только здесь впрямую звучит тема соединения Западной и Восточной церквей. То что было прикровенно, теперь заявлено прямо.

Выше нарисован был идеальный образ церкви, ее пастырей и ее народа. Эти пастыри достойно решили задачу преодоления разделений внутри своей церкви. По образу воссоединения самой Западной (идеальной) церкви должно произойти и соединение Западной и Восточной церквей. Пользуясь законами панегирика, Григорий говорит о Католической церкви как об идеальной, наделяя ее и всеми основными атрибутами церкви Православной. Идеальный образ действия по восстановлению этого идеального здания присваивается отцам собора, и только после этого автор переходит от панегирика к церковной публицистике. Он не требует, не предлагает, а молит — "молящу ми вас" — отцов церкви действием Духа Святого соединить расчлененное тело церкви "по первому устроению и отеческому преданию". Здесь ясно заявлена православная точка зрения на объединение церквей. Внутренняя задача похвального слова — проповедь истины о церкви. Это похвала по форме, но не по своей внутренней задаче. Похвала столь превосходит достоинства реальных лиц, к которым она обращена, что может восприниматься как безудержная лесть, если бы не продуманная концептуальность, слишком очевидно корреспондирующая с антилатинской полемикой и православной экклесиологией. Умеренная лесть была бы уместна из уст церковного деятеля, прибывшего на Собор в качестве просителя. Но митрополит Григорий, оставаясь в оппозиции к католичеству, нарисовал евангельский и святоотеческий образ идеальной церкви во главе с идеальными пастырями. И быть может самым явным знаком его оппозиционности стал сам адресат похвалы: отцы собора, но не вновь избранный папа. Очевидна отсылка к архетипу — отцам первых вселенских соборов, среди которых не было первых и последних. Папа вобще не упоминается. И лишь одна отсылка к евангельскому тексту о предательстве Петра. Идея главенства в церкви одного из епископов была актуальна для самого Григория, анафематствованного константинопольским вселенским патриархом незадолго до собора. Отвергая эту анафему, митрополит руководствовался древним правилом поставления епископа собором епископов. Мы не будем касаться вопроса о каноничности поставления в митрополиты киевские Григория Цамблака. Но, безусловно, подчеркивание идеи соборности и замалчивание идеи единоначалия было связано с фактами его личной биографии. Это может служить косвенным доказательством авторства Григория Цамблака, так как Григорий-униат, участник Флорентийского собора, не мог в силу своей униатской позиции, восхваляя отцов, обойти молчанием самого папу. У Григория Цамблака папа не выделяется из сонма иерархов церкви. Такая речь могла прозвучать только на Констанском соборе, где единственный раз в истории католической церкви восторжествовал принцип соборности.

Итак, с того момента, когда Григорий формулирует мысль, ради которой произносит речь — об объединении церквей — меняется тон и риторика. Перед нами гомилия — побуждение к действию, защита идеи и полемика.

Следует трехчастный период с повторяющимся зачином "доколе".

> доколѣ любезнѣишїи ѿци терпѣти зрѣти оуды х҃вы, ѿ съчланенїѧ и свѧзанїѧ ѿстоящихъ, доколѣ х҃с иже ѥ҃ глава ц҃ркви, на многе ратоуемъ боудеть ѿ оудовь имиже паче веселитї, и краситисѧ долъженъ ѥсть. идеже до рвенїѧ и съпренїѧ, съмышленїѧ же и неизгл҃анаѧ. хоудожества и ѥже хотѣти единаѧ дроугою странѹ побѣдит, не ꙗвленаѧ ли рать къ главѣ ѥже ѥ҃ х҃с. того бо ра҃ и в лѣпотоу ѿ премоудраго павла глава црковна речесѧ х҃сї. ꙗко съѥдинниѥм жилъ же и артирїи (sic) всѣ. чювъствомъ же ноуждьнѣишиx на себе ношенїѥм, владчнаго же и над главнаго мозга обьдержанїємъ. многосложноє сїє и мно (sic) различноє въ оудѣх животноє. ѥдино (л. 366 об.) съоустроѧꙗ чл҃ка, и животворѧ. и водѧ свои чинъ познавающоу. которомоужд оудоу. а не безчин'но носѧщоу не по воли главнои.

Образ церкви как тела Христова разворачивается в самую индивидуальную и смелую метафору. Во-первых, описание этого тела содержит слова, отсылающие к эстетике. Тело церкви — предмет эстетического любования. Христос как глава церкви "должен есть веселитися и краситися своими удами", вместо этого они восстают на него. В чем же красота членов церкви? В "рвении, сопрении, сомышлении же и нетэглаголанном художестве". Уды тела церковного должны согласно друг с другом проявлять рвение, добиваться истины, мыслить и творить неизреченные художества. Два последние слова — из исихастского словаря и понимать их нужно как указание на дела мистического плана, которые ведомы только Богу и посему не могут быть словесно и рационально названы. Художеством в восточной практике называли умное делание. Вновь ряд явлений выстраиваются по лествице, возводящей от земли к небу. И еще раз подчеркивается красота церковного тела: Главою церкви Христос был назван Павлом "в лепоту". Красота связывается с идеей гармонического устроения человеческого тела, и здесь мы встречаем редкое для Средневековья анатомическое описание человека. Мозг управляет соединением жил и артерий; он посылает импульсы всем органам. Мозг называется животворящим органом, который соединяет другие органы в единый организм — "соустроя человека и животворя". Ход мысли Григория близок богословским спорам XIV в. Контрапункт между описанием церкви как тела духовного и как тела плотского, созвучен психофизической концепции человека в аскетике.

(у Григория Синаита, Григория Паламы, Иоанна Лествичника, Григория Нисского).

Как ритор Григорий Цамблак демонстрирует блестящие способности к выявлению живой сути традиционных формул. Он привязывает их ко времени, месту, событию, используя весь запас своих познаний, личное отношение и личный опыт.

> доколѣ единаꙗ црꙋкви христиꙗньскаꙗ. на двѣ славѣ раздѣлꙗетсꙗ. и како же и парѣтсꙗ хрстиꙗньскаꙗ црꙋкви. не имꙗщиꙗ хво съединеніе, хс съедини нас кршніем і еѵлиемъ и ко волнои стрти грꙗдыи. ωца помоли ω нас рекъ оче сътворі ꙋ да боудꙋть едино. ꙗко же и мы единo есмы[8]. нн҃ѣ же не едино. но имꙗ оубо едино еже хс. славы же и моудрованіꙗ разна. вѣра ꙗже во трицоу едина. исповѣданіе же не съгласно.

Понятие "слава" безусловно связано с понятиями "православие" и "инославие". Основные различия между церквами — в славе и мудровании — помещаются автором в область человеческого бытия церкви. Имя Бога одно, имя церкви — христианская — одно, а ответ человеческий Богу — слава, воздаваемая Богу, разная. И мудрование — то есть богословие разное. Но в православной традиции богословием называлось делание, а не мудрование. Мудрость — это ответ делом на призыв Спасителя последовать за ним. Мудрость — проявление Духа Святого, а мудрование — безблагодатное умствование. Правильно славить Бога можно только в молитве, в делании. Само действие Святого Духа в православии называлось Славой. На Фаворской горе в акте преображения была явлена Слава Божия. Поэтому противопоставляя Западную и Восточную церкви по признаку единства имени и различий Славы, Григорий Цамблак опять проявляется как православный богослов исихастской школы, воспитанный в греческой ученой среде XIV в. В конце приведенного периода прямо называется главная из латинских "вин" — несогласное с православием исповедание Троицы. Имеется в виду добавление к символу веры "филиокве" — положения об исхождении Духа и от Сына. Выделение из списка расхождений главного — в учении о Троице — свидетельствует о том, что Григорий глубоко понимал суть вопроса.

> доколѣ въсточніи да оукарꙗють западных. западніиже восточныхъ подобно. ꙗкож иногда во іоудеех и самаритох бѣша. имъ же и не мало зазрѣть иже ѿ македоніꙗ алек'сандръ. тамо бывъ и ꙗже ѿ них оувѣда. члкъ ельлинъ и ниже аплы ниже пррокы слышал. естьвены и прмрым разсоуженіемь подвижимъ. ωбоꙗ страны ра ни единомꙋ дренаго и несъгласнаго. единомоу зазорꙋ ωсꙗди. кто оубо и нам не во правдоу зазри. илі же иоудеинъ или же варваръ, или же кто ѿ ꙗзыкъ,

Когда Григорий говорит о "взаимных укорениях", он вспоминает весь спектр "вин", связанных с местным благочестием, с особенностями и деталями церковного быта. В похвальной части мы уже встречали намек на эти расхождения. Взаимные обвинения по этой части кажутся Григорию столь несущественными, что он предпочитает не говорить о них конкретно, лишь призывает к терпимости. Характерно, что и в панегирической, и в гомилетической частях Слова автор прибегает в этом случае к притчевой форме изложения. Эпизод с Александром Македонским, который не обнаружил ничего несогласного между иудеями и самарянами, кажется автору похожим на ситуацию с западными и восточными христианами. Самарян и иудеев объединяла религия, а разделяли этнические различия. Так же и различия между западными и восточными христианами в большинстве случаев связаны с культурными и этническими особенностями. Нужно ли дожидаться иноверного, который подобно Александру Македонскому обличит христиан в неумении отделить существенное от несущественного? Для этого не нужно быть апостолом или пророком. Это рассуждение Григория позволяет нам утверждать, что он находился на самом высоком для своего времени уровне понимания экуменических проблем и может быть поставлен в один ряд с выдающимися византийскими полемистами (см. Попов).

> дерьзноу нѣчто мало прѣ вами. и сподобите мѧ м҃лти, не бо обличителнѣ, но ваши҄ желанїемъ ноудимъ, рекоу не к вамъ токмо но и ко грекомъ, да не хвалитѧ премдрыи премдртью своею (л. 367) по великогла҆номоу ѡномоу пр҃ркоу. и да нехвалитсѧ сильныи силою своею. и да не хвалитсѧ бг҃атыи богатствомъ своимъ[9]) но о семъ да хвалитсѧ хвалѧисѧ ѡ истин'нѣ, ѡ неи же нашь оучитель павелъ хвалѧшесѧ. аще бо ре҄ и похвалюсѧ, не боудоу безоуменъ, истинноу бо рекоу[10]), истина же не ѿинноудоу. не ѿ внѣшнѧѧ прмрости мира сего. или ѿ философъ ѡсжетнь҄ помышленми своими. но ѿ оц҃ь д҃ховна оученны҄ извещенна бы҄ и преданна. и оутвержена.

И вот наконец автор обращается к собору от своего имени с поучением и призывом к действию. Риторическая фигура самоуничижения используется как модель для предстоящего спора. Автор дерзает высказать свое мнение — но не как обличитель, а как подневольный человек, которого заставляют говорить нелицеприятную правду. Эта оговорка согласуется с реальными обстоятельствами прибытия Григория на собор. По данным летописи он согласился участвовать в нем только по настоянию князя Витовта. Не только католиков, но и православных греков он призывает "не хвалиться своей премудростью", но состязаться об истине. Истину же следует искать не в премудрости от мира сего и не в книжном знании суетных философов, а у духовных отцов, передающих свои знания ученикам. Здесь мы находим еще одно подтверждение аскетической по-

зиции митрополита Григория, его принадлежности исихастским кругам. Противопоставление опытного, мистического и рационального знания мы вычитывали и ранее в тексте Слова, теперь оно заявлено со всей определенностью. Однако это не есть отвержение книжного знания. Об этом говорится в следующем отрывке.

съ многѣмъ прѣщеніем, съйидемсѧ оубо о господе и Ѿци, и стѧжемся добрым истѧзаніем. и изъвоспросимсѧ добрым и съвопрашаніем, братскы. а не по стри, бгооугоднѣ, а не свое вгодне, истинно, а не лестивно, смирено, а не гордостно, людомоудрьно а не любопрително, алкы, а не фарисѣискы. пріимом же в средоу и великаго ѡного бговйца мѡѵсеѧ оученіе, глще, въспроси Ѿца твоего и възвѣсти ти, и старца твоѧ и рекоу тобѣ[11]), въспросим ѡцен, вѣщають бо ныне книгами ꙗкоже тогда ꙗзыком, сего бо ради паче и нам книгы и азъ*). ѡставиша бгомꙋдреніи, ꙗко да Ѿ сих ведемсѧ направлѧеми.

Здесь призыв к братскому диалогу. Со смирением, но бескомпромиссно призывает Григорий искать истину. Он высказывает основополагающий принцип православного гнозиса — истина богооткровенна и проверяется авторитетом духовных отцов. Эта мысль уже однажды высказанная получает дальнейшее развитие. Выше было сказано, что истина не только передается от учителя к ученику, но она еще утверждена — то есть она одна и неизменна. Закрепляется она в книгах, которые фиксируют то, что святые отцы вещали языком. Истины, провозглашенные отцами первых вселенских соборов, услышаны и приняты всей вселенной. Очевидно, что Григорий твердо стоит на позициях православной догматики, которая не допускает своевольного истолкования догматов и их искажения. Начав с безудержного восхваления отцов западного собора, автор заканчивает свою речь твердым исповеданием православия.

ꙗкоже корабль звѣздою в небесное блгочтіѧ и не ѡбоуреванное Ѿ тоужде преданных вѣтръ пристанище. паче же не вещають просто ино и троубою по вселеннѣй. и не сѫ (л. 367 об.) речени словеса, по пррокоу их же неслышатся гласи их. въ всѧ бо землѧ изыде вѣщаніѧ их и в конца вселеныѧ глаголи их[12]. бъ же смиреніѧ, иже кртом срѣдостѣніѧ вражды разоривыи. и соединивыи горнѧа долнимъ. тъ да подвигнет обоѧ страны въ собраніе, и дхъ стыи да послет въ срдца ваша. и слово дасть въ ѿверзеніе оустъ ваших да по первомоу Ѿць преданію, обновѣте блгочтивное исповѣданіе вѣры, неприразившесѧ ни в чесомже. иже бгодхновенных Ѿць добрѣ преданным догматомъ.

---

* зачеркнуто позднейшими чернилами

и съедините цр҇ковь. юже добрыи пасты҇р своею кровїю стѧжа, ѩко да множаե ѡ вѣ҇ пребж҇твенаѧ славитсѧ тр҇ица. еиже слава в' вѣкы аминь:

В финале мысль ритора с неизбежностью приходит к тому, что только сам Бог и может соединить разрозненные части целого. И не потому только, что он Бог, Им же все совершается в мире. Крест выступает как созидательная сила, как орудие победы смирения над враждой, как символ, соединивший горный и дольний мир и сделавший возможным прямое богообщение. "И Дух Святый да послет в сердца ваша и слово даст во отверзение уст ваших". Вновь подчеркивается, что слово истины всегда богодухновенно. Последняя фраза содержит прямое обращение к западной церкви обновить благочестивое исповедание веры по первому преданию святых отец и восстановить единство в церкви. Эта фраза имеет открыто полемический характер. Ее пафос оправдан всей логикой Слова. И в качестве заключительного аккорда звучат две основополагающие экклесиологические идеи: крестной жертвы и Троицы. Эти идеи составляют полноту понимания феномена Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Матф. V, 14.
2 Матф. V, 9.
3 Матф. V, 13.
4 Іоанн. XVI, 17.
5 Псал. CXX, 1.
6 Зачеркнуто.
7 Псал. LXXVI, 14.
8 Іоанн. XVII, 11.
9 Іерем. IX, 23.
10 2 Коринф. XII, 6.
11 Второз. XXXII, 7.
12 Псал. XVIII, 5.